

АЛЕКСЕЙ МАЛЫШЕВ

ЗВЕРИ В ПЛЕНУ

Невыдуманная повесть

Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Сент-Экзюпери.

1. ПЕРВЫЕ ПИТОМЦЫ

Началось все это с телеграммы из Москвы: для Зооцентра надо было отловить серн. Директор заповедника дал распоряжение наиболее опытным лесникам, и они отправились в горы.

Легко сказать — поймать серну! Серна считается самым проворным, ловким и выносливым животным горных стран. Там, где проскочит серна, никакому другому зверю не пройти. Лесники, хорошо знавшие ее повадки, засомневались: спасаясь от врага, серна взбирается на почти отвесные скалы или спускается с них в пропасть, цепляясь копытцами за самые крохотные уступы. Недаром говорят — «серна царит в горах».

Много дней ходили лесники по горам, пока, наконец, им не удалось загнать одну из серн в каменный мешок из таких крутых стен, по которым она не сумела выскочить. Однако измученное, тяжело дышащее животное лесники не сумели донести до дороги, где ожидала машина, — серна погибла у них на руках от нервного перенапряжения — врачи называют это шоком.

Оставалось испробовать другой способ — отловить маленьких сернят, выкормить их молоком, вырастить, а потом уже сдать Зооцентру. Ловить козлят, которые уже с первых дней от рождения скачут по страшным кручам за своими матерями, тоже нелегко, но здесь

все-таки можно было рассчитывать на какой-то успех. Директор назначил за поимку каждого серненка крупную премию, и лесники снова отправились на отлов к неприступным скалам.

Шел май — время рождения малышей у диких обитателей гор — туров и серн. В научный отдел заповедника начали поступать первые отловленные лесниками сернята.

Что с ними делать, как кормить? Этого не знал никто. Решили подпустить их к домашним козам. Сернята дичились, но вскоре, почуяв молоко у своих приемных матерей, стали их сосать.

К концу мая в наскоро выстроенном загончике собралось до десятка диких козлят. Среди них оказался и случайно попавшийся лесникам, в пещере среди скал, туренок. Его назвали грузинским именем Бэссо. Он так же, как и сернята, сосал кормилиц-коз.

Казалось, дело с воспитанием малышей наладилось. Но никто не мог предвидеть, что почти всем им грозила гибель. Да, гибель! Самое страшное заключалось в том, что сернята умирали внезапно, в течение какого-нибудь часа, без всяких видимых причин, и всегда в такое время, когда им исполнялся месяц жизни. Это было похоже на какой-то злой рок. Совершенно здоровый, упитанный, веселый козленок, до того оживленно прыгавший вместе с другими малышами,

вдруг погибал в мучительных судорогах.

При вскрытии у всех козлят оказывалось одно и то же: в двенадцатиперстной кишке находили довольно крупный, плотный тампон из свалявшихся волосков. Этот волосяной шарик, называемый безоаром, закупоривал кишечник, что и было причиной гибели животных.

Откуда он брался? Видимо, из шерсти самих козлят, у которых в этом возрасте наблюдалась первая линька.

К тому же безоары образовывались незадолго до перехода сернят на подножный корм. Вызванный из города пожилой опытный ветеринарный врач объяснил, что пока козлята питаются одним молоком, желудок у них работает вяло. Волоски, попадающие при линьке в желудок, сразу не удаляются, а сбиваются в комочек. Этот период для сернят наиболее опасен. Но когда животное начинает есть траву, стенки желудка, перетирая грубый корм, расщепляют и волосяные шарики. Серненку, дожившему до перехода на траву, гибель от волосяных тампонов уже не грозит.

Эти «безоаровые камни» в далекие времена средневековья даже славились своей якобы целебной силой. Охотники обычно находили их в желудках убитых взрослых серн. Безоары тогда использовались для колдовства.

Но теперь выяснилось совсем другое — от безоаров сернята гибли. Однако не могли же они все погибать и на воле. Значит, были какие-то причины, которые способствовали образованию безоаров у молодых животных в условиях неволи. Какие? Это оставалось полной загадкой.

К концу июня погибли все сернята, кроме одного, названного Жоркой. Это был самый бойкий и живой из козлят. Теперь он остался здесь вдвоем с туренком Бэссо, быстро набравшим силу.

Опыт воспитания сернят закончился неудачей. Однако в заповеднике решили продолжить его в будущем году. Зооцентр, занимающийся поставкой диких животных в зоопарки страны и за границу, настаивал на отлове серн любого возраста.

Выяснилось, что в зоопарках взрослые серны подолгу не живут, поэтому потребность в их отлове большая — умиравших в неволе серн приходилось заменять чаще, чем других животных.

Но подраставших Жорку и Бэссо в Зооцентр не отправили, а оставили в заповеднике для показа экскурсантам. Увидеть туров и серн в горах удастся не всякому туристу, а здесь — пожалуйста, любуйтесь! Вот они перед вами те самые дикие звери, которые на воле при появлении человека стремглав убегают по скалам. Здесь они рядом и настолько уже привыкли к людям, что нередко подходят за лакомством к протянутой через решетку руке посетителя.

А тут еще неожиданно появился олененок Борис. Его привезли из предгорных лесов, где лесник отобрал малыша у браконьера, сумевшего отбить олененка от его матери.

В заповеднике решили построить для животных вольеры — просторные загоны, где они могли бы пастись на полянах, отдыхать под тенью деревьев, а в непогоду укрываться под крыши сараев.

Такое место было выбрано недалеко от управления у подножия горы Малой Хатипары. С одной стороны начиналось ущелье, издавна называемое местными жителями Оленьей балкой, с другой — ущелье Медвежья балка. Обе балки заросли густым смешанным лесом, через который летом нелегко было пробраться.

Если зверята раньше жили в одном тесном загончике, то к осени каждый из них получил уже отдельную, обнесенную железной сеткой вольеру, где было и просторно, и много разнообразного корма. Животные любили лакомиться не только травой, но и ветками кустов и деревьев. Они бродили здесь под деревьями словно в парке, а у Бэссо и Жорки внутри загонов виднелись еще крупные нагромождения камней, по которым они могли прыгать, будто по скалам.

Ухаживать за животными поставили пожилую женщину Ефросинью Федоровну. Ее все называли запросто Федоровна. Недалеко от вольер, на опушке

леса, построили небольшую сторожку, где она и поселилась. Отсюда Федоровна в любое время могла наблюдать за своими питомцами.

2. ЗАГАДКА НЕ РЕШАЕТСЯ

Прошел год. Зверята заметно подросли, у каждого из них еще в конце первого лета отросли небольшие рожки. Теперь вольеры пополнились новыми животными. Привезли двух потешных медвежат, которых поместили в просторную клетку. Появился косуленок, жалобно попискивающий и не отстающий ни на шаг от Федоровны. Наконец, отловили в лесу двух крошечных полосатых поросят. Всех этих малышей Федоровна по нескольку раз в день выпаивала молоком из рожка. Завидя ее еще издали, зверята поднимали отчаянный крик, требуя кормежки. Особенно неистовствовали поросята.

— Иду, иду, сироточки мои,— ласково приговаривала она,— да потерпите, минуточку. Несу вам молочка!

Но поросята так визжали, что Федоровна порой зажимала уши. Визг их прекращался только тогда, когда они схватывали сосок в рот, чтобы, чавкая, поскорее опорожнить бутылочку.

При отлове поросят произошла печальная история. Лесникам было поручено принести двух малышей.

Однако, увидев в лесу, недалеко от вольер, дикую свинью с шестью юркими поросятами, они увлеклись и отловили пять детенышей.

Мать, ощетинившись, сердито хрюкала, но напасть на людей не решалась и скрылась в кустах.

Пойманные поросята визжали в мешке. Лесники, поговорив между собой, решили двух поросят покрупнее унести, а трех лишних выпустить.

Но едва поросята, выпущенные из мешка, вернулись к матери, как раздался

их отчаянный визг. Лесники увидели, как свинья, почуяв на своих детенышах запах человеческих рук, бросилась на них и в несколько мгновений умертвила. Она позвала за собой лишь того поросенка, который оставался с нею в кустах. С ним она и скрылась в лесной чаще.

Федоровна принесенных поросят назвала Катей и Ежиком. Медвежат окрестила Женькой и Мишкой.хлопот ей теперь было полным-полно.

А тут начали вновь поступать маленькие турята и сернята.

После прошлогоднего неудачного опыта с воспитанием сернят, решили отказаться от подпуска их к домашним козам, а выпаивать из рожка, как и других животных. Предполагалось, что этим в какой-то мере уменьшается попадание волоса в желудок. А чтобы козлята не слизывали шерсть друг с друга, кто-то из сотрудников предложил сшить им рубашки. Сперва над этим посмеялись, но когда первые, раньше других отловленные, сернята опять стали гибнуть, и у них в кишечнике обнаружили волосистые шарики, то вспомнили и это предложение. Ведь что-то надо было делать. Сернята защеголяли в белых рубашках и таких же штанишках. А Федоровне работы добавилось: зверята, играя друг с другом, рвали или теряли свою одежду, и бедной женщине приходилось бегать за ними и напяливать на них утеранные штаны. Вскоре пришлось от одежды отказаться, как от пустой затеи. Надо было принимать какие-то другие, более серьезные меры.

Научным сотрудникам казалось, что сернята мало бегают — им нужен был усиленный моцион. Малыши любили прыгать по приставленной к стене лестнице, но по загону бегать не хотели. Тогда попытались их гонять. Но козлята забивались в угол и испуганно смотрели оттуда на людей влажными блестящими глазенками. Федоровна старалась водить сернят за собой по загону. Но они лишь тихонько и неохотно плелись за нею. И только, если Федоровна начинала бежать, то наперегонки с ней пускались и сернята. Тут они уже резвились с увлечением, взбирались на горки и груды камней, лежа-

щие в просторной вольере.

Однако такая игра пожилой женщине пришлось не по силам. Тяжело отдуваясь, вытирая вспотевший лоб, она после первых попыток бегать с сернятами, сердито проговорила:

— Пропади пропадом эти козлы! Что я им Бес, что-ли, бегать наперегонки!

А Бэссо, о котором шла речь, да и Жорка, с любопытством посматривали из соседних загонов на кучу малышей, с которыми люди столько возились — и пока безуспешно.

Попробовали к сернятам пустить их заметно подростшего родича — Жорку. Он осторожно обнюхал доверчиво подошедших к нему козлят, а затем, высунув язык, равнодушно отвернулся и сделал несколько шагов в сторону. Но едва Федоровна отошла, как он неожиданно подскочил к сернятам, стараясь поддеть их рогами. Подняв шерсть на загривке, грозно похрапывая, Жорка устремился за малышами. Федоровна едва успела его отогнать. Стало очевидно, что для роли воспитателя коварный Жорка не годился. А пускать к сернятам Бэссо и не пытались.

Вызвали к сернятам ветеринарных врачей. Те сказали, что малышам, видимо, не хватает каких-то минеральных веществ. Было известно, что у домашних ягнят и телят при недостатке солей наблюдается

похожая болезнь, называемая лизулись все нужные для детенышей вещества. Чего же им еще не хватало? Запросили столичный зоопарк, написали известным ученым. Но никто ничего нового сообщить не смог.

Сернята по-прежнему гибли.

А ведь отловить, доставить с гор и выкормить их было так сложно! Да и просто жаль животных!

Однажды ночью в управление заповедника позвонили с Северного приюта, где находилась высокогорная

метеорологическая станция. Лесники под вечер поймали двухдневного, совсем маленького серненка.

Мать, увидя людей, пыталась увести его. Спускаясь почти по отвесному карнизу скал, откинув голову, она налегла тяжестью на задние ноги и легко заскользила вниз, как на санках. Метров тридцать она спускалась зигзагом, почти на лету работая всем телом, цепляясь за каждый уступ. Просто было удивительно, как она осталась живой! Оказавшись на дне пропасти, серна посмотрела вверх и позвала детеныша.

Серненок сперва не отступал от нее ни на шаг, касаясь головой ее задних ног, но перед броском в пропасть, он на мгновение остановился, словно раздумывая, и здесь-то его успели подхватить

прыгавшие вслед по скалам люди. Навряд ли он остался бы жив, если бы последовал за матерью. А, впрочем, кто знает? Серны водят своих детенышей по таким кручам, что дух захватывает смотреть на них.

Пойманного серненка без молока надолго оставлять было нельзя. Лесники просили выслать на Северный приют машину, чтобы теперь же, ночью, доставить его в управление. Но машины дома не оказалось. Научные сотрудники вышли на улицу поселка, решив отыскать какой-нибудь случайно проходящий транспорт.

До Северного приюта, находящегося под перевалом, — тридцать четыре километра, из них часть пути по обрывистому серпантину, с крутыми опасными поворотами. Не всякий шофер согласится туда ехать ночью. Но делать нечего, надо было искать машину.

Вспугивая тишину спящего поселка, по улице несся огромный самосвал.

Научная сотрудница сумела его остановить. Шофер сперва возмутился предложением ехать ночью на перевал, но она ему пообещала хорошо заплатить и объяснила, что надо привезти зверя, очень нужного для научного изучения.

— Ну, если уж такой важный зверь,— подумав, согласился, наконец, он, — да еще для науки... поехали!

Машина повернула и с грохотом помчалась в сторону перевала.

— Что ж это за зверь?— полюбопытствовал шофер,— барс или, может, еще что похлеще?

— Козленок, а точнее — маленькая серна,— ответила научная сотрудница, сидевшая в кабине.

— Что-о?— машина со скрежетом остановилась,— вы смеетесь надо мной? Гнать пятитонку за каким-то паршивым козленком?! Не пойдет!

Шофер заупрямился.

— На такой машине я повезу только большого зверя или очень опасного. А за козленком не поеду.

— Послушайте!— в свою очередь возмутилась сотрудница заповедника,— чтобы поймать этого козленка, люди рискуют своей жизнью. Серны в таких скалах живут, где пройти нельзя. А вы...

— Хорошее дельце!— ворчливо отозвался шофер,— за козленком среди ночи ехать. Да еще на перевал. Провались этот козленок!

Однако машину он завел, и она, фыркнув, вновь послушно устремилась вперед.

Но недалеко от Северного приюта дорога вошла в снежный коридор из не растаявших еще с весны остатков лавины. Машина забуксовала. Выбрались из снега только к рассвету. Шофер чертыхался, проклиная все на свете.

Два лесника ждали машину, сидя у костра. Серненка сразу же напоили привезенным в бутылке подогретым молоком. Он жадно зачмокал и, чуть пососав, быстро заснул. Сотрудница бережно устроила его у себя на коленях, и самосвал, освещая фарами узкую дорогу над обрывом, понесся обратно.

— Ну и козьявка! — кося на серненка глазами, насмешливо заметил шофер,— еще и зверем его называете. Взяли вы меня на пушку!

Сотрудница стала ему рассказывать, зачем ловят сернят и как трудно добиться того, чтобы они выжили в неволе. Шофер недоверчиво слушал, а когда подъехал к управлению, то от предложенных денег отказался, смущенно сказав:

— Ладно уж! Раз для науки, пускай и моя помощь будет. Может, хоть этого козленка до ума доведете. До свиданья!

И, усмехнувшись, передвинул рычаг скоростей. Самосвал заурчал и рванулся вперед. Сотрудница заповедника, прижимая к груди спящего серненка, с улыбкой смотрела ему вслед.

Теперь надо было думать: сколько козленку давать молока и через какое время? В книгах об этом не писали, ведь никто воспитанием сернят не занимался. Заботы легли не только на Ефросинью Федоровну, но и пришлось на долю молодой научной сотрудницы Азы Петровны. Тяготили они и всех других работников научного отдела. Нельзя же было допускать, чтобы сернята продолжали гибнуть! Зооцентр настаивал на отлове, лесники, занимаясь им, дни и ночи проводили в горах, подвергая себя лишениям и опасностям, а сернята жили всего лишь только один месяц. Загадку образования безоаров никто объяснить не мог. Как сохранить жизнь маленьким сернам после того, как им исполнялся месяц — было неизвестно.

Федоровна со слезами на глазах смотрела на своих питомцев, предчувствуя их неизбежную гибель. Вот они веселые, здоровые, оживленно играют друг с другом, бегают с криком за своей кормилицей. А через несколько дней от

них останутся только жалкие взлохмаченные шкурки. «Нет! Лучше бросить эту работу,— тревожно раздумывала Федоровна,— выкармливать их на гибель — нет никаких сил. И зачем только мы их мучаем?»

Но другие питомцы вольер — турята, медвежата, маленькие кабаны, косуленок только радовали. Они росли, резвились и пока ничто не омрачало их будущего. Это только и утешало Федоровну, которая все более, убеждалась, что она прочно связала свою судьбу с воспитанием зверенышей, ставших ей теперь необыкновенно дорогими.

3. ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ

Миновали еще две зимы и два лета. Вольеры превратились в место постоянного паломничества экскурсантов. Теперь здесь было на что посмотреть. Звери подросли. Жорка стал высоким, стройным и легким. У него было сильное, тело, покрытое темно-бурой шерстью, тонкие ноги, изящная точеная мордочка с двумя темными продольными полосами и черными, загнутыми назад кольчатыми рожками. Завидя людей, он неотступно бежал вслед за ними по другую сторону решетки, зеленые глаза его сверкали злым огоньком, однако он делал вид, что ни на кого не обращает внимания. Высунув темно-шоколадный язык, Жорка порывисто дышал. Иногда сердито хрюкал и незаметно, каким-то уголком глаза, следил за проходившими людьми. Стоило кому-то из них коснуться рукой решетки, как он неожиданно подскакивал и с размаху ударял в железную сетку, пытаясь достать человека своими острыми рожками.

Бэссо отличался от Жорки своей массивностью и медлительностью. Он превратился в крупного бородатого козла с толстыми загнутыми рогами, но своей тучностью Бэссо напоминал домашнего барана. Он мало интересовался посетителями, однако у него была одна привычка, которая приводила в восторг экскурсантов. Проходя под деревьями, росшими в загоне, Бэссо порой птицей взлетал вверх и оказывался на каком-

нибудь разлапистом суку или развилке дерева, где и застывал, словно на скале. Было непонятно, как этот отяжелевший козел мог внезапно запрыгнуть на довольно большую высоту и ловко держаться там, а иногда бродить по суку, будто искусный канатоходец.

Бэссо в загоне жил не один. С ним находилось несколько молодых самок и один небольшой тур-самец. Все они были отловлены малышами и теперь, подрастая, составили целое стадо, вожаком которого, естественно, оказался Бэссо. Это обстоятельство, видимо, придавало ему важность и солидность. Он любил наводить порядки среди своей молодежи, и если туры начинали между собой драку, Бэссо рогами отбрасывал того или иного забияку. Он же первый поднимал стадо на кормежку или уводил его на отдых под навес, где ложился в середине стада и, пережевывая жвачку, настороженно поглядывал вокруг, как это делают вожаки-козлы, находясь на воле где-нибудь в скалах. К кормушке с зерном раньше него никто из туров подходить не смел, а если кто и пытался это сделать, то Бэссо строго наказывал своими рогами.

У оленя Бориса выросли большие, с рядом отростков, рога. Он горделиво нес их, как корону, и стройный, высокий, красивый, спокойно проходил мимо людей.

Каждый год в феврале он сбрасывал рога и тогда становился вдруг похожим на добродушного крупного теленка. Вскоре после этого у него появлялись новые мелкие, покрытые нежными густыми волосками рога — они были бархатистыми и теплыми на ощупь. В это время Борис их очень оберегал. Лишь в конце лета, когда они окостеневали, олень начинал чесаться ими о ствол дерева, отчего с них сползали подсохшие корочки кожи. В эту пору он часто бил рогами о решетку и, если люди ему досаждали, то делал это с большой яростью.

Уже с середины августа он начинал призывно реветь. С рассвета до зари,

нередко и ночью, в заповеднике слышался его протяжный, далеко разносящийся по лесу, трубный рев. Чем дальше к осени, тем Борис становился все более буйным, с грохотом бил по решетке и ревел все громче и чаще.

Самым изящным животным в вольерах была, пожалуй, косуля. Она так грациозно переступала своими точеными ножками, что от нее не хотелось отрывать глаз. Это был самец, и у него росли небольшие рога. Людей он дичился и признавал только одну Федоровну: когда та заглядывала в его загон, косуля попискивала, словно желая что-то ей сказать, и не отходила от нее ни на шаг.

Поросята превратились в крупных длиннорылых, покрытых жесткой щетиной, кабанов. Они, словно домашние свиньи, любили, чтоб их почесывали. Тогда поросята,

успокоенно хрюкая, ложились,

приваливаясь к решетке, а

экскурсанты, посмеиваясь,

скребли их какой-нибудь

сломанной веткой. Интересно,

что от кабанов пахло не свиньями,

а каким-то лесным пряным запахом

— орехами,

мхами, корешками растений. Федоровна к кабанам имела особое пристрастие, особенно к Катьке. Она временами даже мыла ее теплой водой, хотя Ежик, видя это, негодовал и сердито лез к ней своей длинной, как труба, мордой. Клыки у него угрожающе торчали и, казалось, если он расвирепееет, то Федоровне несдобровать. Но та, ласково приговаривая, совала ему в пасть корочки хлеба, и Ежик успокаивался.

По технике безопасности заходить к кабанам, так же как и ко всем другим животным, одному человеку не

полагалось. Корм должен был даваться зверям в кормушки через решетку, а уборка внутри загонов делалась только в присутствии научной сотрудницы. Однако Федоровна этим пренебрегала, ворчливо заявляя:

— На что мне ваша техника! Я и без техники справляюсь.

Не заходила она только к медведям. Тут уж риск был налицо. Если кто-либо из экскурсантов пытался протянуть к решетке руку с конфетой, медведи молниеносно выбрасывали лапу, выхватывая лакомство, а порой рассекая когтями руку неосторожного посетителя. Правда, после двух таких случаев, когда, несмотря на надпись, запрещающую приближаться к зверям, люди продолжали вести себя неосторожно, неосмотрительно, медвежатник огородили второй сеткой.

Медвежатник состоял из двух отделений. Заходя в него, Федоровна закрывала медведей в одном из них, потом, убрав, перепускала зверей и начинала уборку в другом отделении.

Пока медвежата были маленькими, они всем казались очень потешными. Вокруг их вольеры всегда толпились зрители. Медвежата боролись друг с другом, кувыркались, лазили на ствол дерева, стоявшего внутри вольеры, качались на качелях, гонялись за деревянным шаром. Но время шло, медвежата подрастали. Игры у них стали реже. Сделанная им вольера оказалась тесной. Для медведей теперь построили новый медвежатник, где были и темные клетки-берлоги, и ванная для купанья, и толстое дерево для упражнений — лазанья и два светлых отделения для обзора зверей экскурсантами.

Но каким способом перевести туда медведей? Решили заманить их в ящик, приставленный к двери старого медвежатника. Звери долго туда не заходили, но, проголодавшись, наконец, забрались за приманкой. Сперва заманили Женьку, захлопнули дверку ящика и благополучно перенесли в новое помещение. Когда в ящик забрался Мишка, то четырех человек для его переноски оказалось мало — ящик не могли сдвинуть

с места. Вызвали еще четырех рабочих. Но едва понесли ящик с ревушим в нем медведем, как тот сумел просунуть в щель лапу, быстро оторвал одну из досок и начал размахивать лапой, пытаясь схватить грузчиков. Те бросили ящик, и медведь через минуту, проломив доски, встал из него во весь свой рост.

Сделав прыжок, он оказался на воле. Люди пытались встать цепью, чтобы загнать его в медвежатник, но где там! Поднявшись на задние лапы, медведь с ревом пошел прямо на людей. Все бросились врассыпную. Оглянувшись на них, Мишка исчез в лесу, уходя по направлению к балке, которая называлась Медвежьей.

На другое утро работницы, занятые на плантации женьшеня, находившейся в лесу, недалеко от вольеров, в испуге прибежали к управлению: они встретили по пути на свою работу медведя, который безбоязненно шел им навстречу. Из полукрытой пасти зверя стекала слюна, глаза сверкали недобрым огоньком, и бедные девушки от страха чуть не лишились чувств.

После их рассказа заходить в лес никто не решался. Все работы, проводимые за усадьбой, остановились. Лесники, собравшись кучкой, пошли на поиски медведя, но обнаружить его не удалось. А если бы и удалось, то, что бы они с ним стали делать? Никто этого пока не знал. Все зависело от поведения Мишки.

На другое утро в управление пришла встревоженная Федоровна. Она заявила, что пока ей не сделают оконные ставни, жить в сторожке она отказывается. По ее словам, Мишка приходил ночью, поцарапался в окно, потом через открытую форточку схватил буханку хлеба, лежавшую на подоконнике и, показав проснувшейся от шума хозяйке свою страшную пасть, опять ушел в лес. Под окном и в самом деле остались крупные отпечатки Мишкиных лап.

Ставни ей сделали в тот же день, и Федоровна немного успокоилась. А в следующую ночь, как выяснилось уже под утро, Мишка опять приходил к дому и,

найдя около сторожки большой ящик-контейнер, в котором перевозили для зооцентра туров, взвалил его себе на спину, перелез с ним через ограду и уволок в Медвежью балку. Все это удалось установить потом по следам, выдавшим похождения медведя.

В ящике Федоровна хранила мясо для зверей. Мишка не захотел на месте возиться с ящиком, а разбил его на щепки уже там, в Медвежьей балке, где он, видимо, решил пока обосноваться. Рядом с остатками ящика лежали кости от съеденного им мяса.

Дело было ясное: медведь не умел добывать себе пищу в лесу. Он вынужден был возвращаться к человеку, от которого привык получать все готовое. Этим и решили воспользоваться.

В новом медвежатнике сделали в двери рычажок, повесили на крюк мясо и оставили дверь открытой. Когда Мишка, почуяв запах мяса, зашел бы в медвежатник и потянул мясо лапой, рычаг должен был мгновенно сработать, а дверь захлопнуться. Женька в это время находилась в соседнем отделении.

Так все и произошло. Федоровна, заглянув утром в медвежатник, увидела, что Мишка уже сидит в своей клетке: мясо он, конечно, съел и сам закрыл себя здесь навечно.

В хозяйстве Федоровны, казалось, все было благополучно. Все, кроме очередной гибели вновь отловленных летом сернят.

Однако и здесь появилась какая-то надежда.

Научные сотрудники заповедника, наблюдая жизнь туров и серн в горах, обратили внимание на то, что эти животные порой что-то гложут на камнях. Выяснилось, они находят там лишайники, которые в виде накипи или корочки поселяются на поверхности скал. Не случайно и лишайники эти называются накипными и корковыми. Не в них ли находятся те минеральные соли, которых не хватает сернятам в неволе? Чтобы это узнать, лишайники, соскобленные с гранита, были посланы на анализы. Аза Петровна с нетерпением ожидала результата. Дорог

был каждый день. В вольерах оставалось пять живых серняг, которых отлавливали позже других животных, и они были еще накануне того возраста, когда наступала гибель.

И вот, наконец, из лаборатории был получен ответ: среди химических соединений, находящихся в лишайниках, значительное место занимал йод.

Йод! Конечно, его здесь никто не давал сернягам. Не в этом ли таится вся разгадка? В природе серны получали йод в своем обычном корме и передавали детенышам через молоко, тогда как в корме домашних животных йода, видимо, было слишком мало.

Аза Петровна обратилась к ветврачу. Подумав, тот сказал, что если добавлять йод в порцию молока каплей по 7—8, то, возможно, пищеварение серняг улучшится, так как йод должен способствовать рассасыванию безоаров. Однако это было лишь предположение и его следовало проверить на практике. Но Азе Петровне казалось: ниточка найдена, с ее помощью можно размотать весь клубок. И в то же время мучили сомнения: а вдруг от йода сернягам станет хуже?

Федоровна, услышав это, заметила:

— Чего уж хуже смерти? Все одно погибнут, так будем пробовать — давать им хоть йод, хоть мед!

И серняга стали получать в своем рационе йод. Вскоре наступило время, когда они начали поедать траву. Аза Петрович и Федоровна с волнением ожидали — что будет с ними дальше? Останутся ли серняга живыми.

Все пятеро остались живы. Это была большая победа. Аза Петровна и Федоровна ходили радостные, как именинницы.

4. МЕСТЬ ЗА ПЛЕН

Это было удивительное зрелище! Навстречу друг другу, готовясь к сватке, двигались два сильных зверя. Бэссо, наклонив свои крупные массивные рога, собирался идти на таран — сокрушить своего противника ударом всей своей восьмипудовой тяжести. Посапывая, он шел напрямик, чтобы в какой-то

подходящий момент молниеносно ринуться на Жорку.

Жорка, сумевший перескочить через ограду к турам, наступал боком, издавая странные звуки, напоминавшие хрюканье. Редкая, рыжеватобурая шерсть его поднималась торчком, спина с темным ремнем по хребту, напряженно изгибалась. Он тяжело, порывисто дышал и тоже выжидал время, когда удобнее будет вонзить свои рожки, похожие на кривые турецкие ножи, в брюхо врага.

Бэссо внезапно поднялся на дыбы и огромный, тяжелый, потрясая рогами, приготовился к нападению. Жорка напрягся, как струна...

Что было бы дальше, трудно сказать, но здесь подоспела Федоровна. Размахивая палкой, она с трудом разогнала животных.

Жорка всхрапнул, круто повернулся и неожиданно огромным прыжком перескочил через забор обратно в свой вольер.

Итак, былой дружбе Бэссо и Жорки пришел конец. Малышами они жили вместе и так привыкли, что когда их разъединили, они часами стояли у решетки, стараясь через сетку облизать мордочку друг другу. Федоровне казалось, звереныши обменивались поцелуями.

Вообще, нельзя было не заметить, что почти все обитатели вольер по мере того, как они здесь вырастали, становились все более злыми и по отношению к людям даже опасными.

Наверное, сказывались условия неволи: ведь звери не могли не тосковать в плену. Кругом вольер шумел лес, сверху по ущельям ветерок доносил запах альпийских трав и влажного снега, долго не тающего на горных вершинах, — там была воля, навсегда утерянная для этих зверей.

Животных здесь собрали для показа людям. Тысячи и тысячи экскурсантов проходили мимо решеток, за которыми томились звери. Среди людей были добрые, но были и злые. Эти нередко пытались затолкать через железную сетку палку, чтобы побольше ткнуть доверчиво подошедшее животное, иногда забросить в

клетку камень или каким-нибудь другим способом подразнить зверей.

Больше всего попадало волчонку, которого весной привезли сюда еще совсем крошечного: охотники обнаружили где-то логово, всех волчат перебили, а одного оставили по просьбе заповедника. Федоровна выпоила его молоком из рожка, как и всех остальных, и волчонок очень к ней привязался. Он был похож на обычного добродушного щенка овчарки, и если бы не табличка над его клеткой, то не всякий бы догадался, что здесь находится злейший враг диких и домашних животных, что это единственный вид зверя, который в заповеднике не охраняется, а, наоборот, подлежит уничтожению.

Но даже многие из тех, кто не успел прочесть табличку, узнав, что это волк, с презрением смотрели на него, нередко обругивали, а кое-кто старался достать его палкой. Федоровна с ворчаньем подбирала из его клетки камни, заброшенные враждебно настроенными людьми.

Бедному волчонку почему-то приходилось отвечать за все деяния, совершенные представителями его вида, как живущими ныне, так и погибшими многие сотни и тысячи лет назад.

Постепенно волчонок терял свое детское добродушие и, подрастая, с рычаньем стал отбегать в сторону, как только к его вольере подходили люди. Лишь к одной Федоровне он не терял доверия и по-прежнему, когда она заходила к нему, головою тыкался в ее ноги, ожидая, чтобы она почесала ему спину и дала поесть.

Став более взрослым, Серый почти перестал обращать внимание на людей и долгими часами, дни и ночи, напряженно бегал вдоль решетки своего вольера. Он совершал бесчисленные круги из угла в угол, и, наверное, это движение спасало ему жизнь. Может быть, в своем стремительном беге волк представлял себе, что пересекает долины, леса, горы, преследует добычу, оставляя за собою все новые и новые пространства. А может быть, все его

помыслы сходились только на одном — бежать вдоль клетки — и вдруг когда-нибудь в этой проклятой решетке каким-то чудом обнаружится отверстие, через которое он отсюда навсегда исчезнет. И то, и другое могло быть лишь мечтой, но кто знает, разве у зверя не могло быть такой надежды? Во всяком случае эта поспешная беготня (было ясно, что волк очень торопился) не давала ослабнуть его мускулам. Бег, стремительный бег, с очень небольшими передышками, позволял ему здесь еще оставаться настоящим волком. Федоровна, желая скрасить его одиночество, попыталась как-то сунуть ему в клетку собачонку, с которой он перед этим дружелюбно обнюхивался через решетку. Но она едва успела выхватить ее живой обратно — Серый чуть не задушил собаку, мгновенно вонзив зубы в ее шею.

В нем, как ни странно, чувствовалось какое-то достоинство, самолюбие, что ли. Если часть экскурсантов смотрела на волка с неприязнью и презрением, то он ко всем людям, кроме Федоровны, относился с показным равнодушием, за которым явно сквозила ненависть.

Изменил свой характер и Борис. Он стал злым, особенно после случая, когда один из экскурсантов, развлекаясь, прижал оленьи рога к решетке и сумел обломить у них мягкий, еще не окостеневший отросток. Из надломленного рога хлынул фонтан крови. Борис, разбрызгивая ее, болезненно замотал головой.

Несколько дней он болел, отказываясь от еды, его донимали мухи, но залить йодом рану никак не удавалось, олень близко к себе не подпускал.

А к осени, когда ночью к его вольере подошел с воли олень-рогач, через решетку началась у них битва.

Рев оленей потрясал тишину на усадьбе заповедника. Слышался треск и тяжелые удары рогов об ограду. Часть вольеры у Бориса была сделана из деревянного штакетника. Олени к утру его разбили. Борис вырвался на волю и, преследуя противника, ринулся за ним в лес.

Неизвестно, что там произошло, но

к вечеру, когда обычно начиналась кормежка, Борис вернулся в свою вольеру и уже не один, а с подругой. Это была красивая стройная оленуха с большим «зеркалом» белым опушением хвоста. Борис победоносно ревел и не сводил влюбленных глаз со своей гостью.

Может быть, оленуха, так бы и осталась жить в вольере с Борисом, и у них могла быть со временем своя оленья семья, однако через две ночи сюда опять подошел вольный олень. Между ним и Борисом снова началась беспощадная битва.

Это был уже другой рогац, он славился по заповеднику своей красотой и силой. Его считали вожаком оленьего стада, которое находилось на воле и зимой обычно наведывалось на усадьбу для кормежки у стогов сена. Лесники прозвали оленя почему-то Мальчиком. У этого Мальчика рога были с большим числом отростков, чем у Бориса,— они венчали его голову такой короной, какой еще никто здесь не видел у других оленей. Было непостижимо, как он умел с необычайной легкостью и ловкостью, лишь слегка откинув голову к спине, с быстротой стрелы проносить на себе эти широко разветвленные рога сквозь густые заросли деревьев. Его нередко видели в лесу лесники. Видимо, чувствуя свою силу, Мальчик никого не боялся и довольно близко подпускал к себе людей. Если они, тихо наблюдая за ним, останавливались, то и он не уходил и, успокоившись, через некоторое время иногда ложился на мох, чтобы

безмятежно, не глядя на людей, пережевывать жвачку.

На этот, раз Мальчик, наверное, был возмущен тем, что Борис, пленник вольера, сумел похитить из его гарема оленуху. Он так грозно ревел, что даже в Оленьей балке, где держалось обычно оленье стадо, непрерывно прокатывалось эхо от его криков.

Борис вторил ему ревом, решившись до конца защищать себя и не отдавать ему новую подругу. Федоровна, услышав драку, прибежала на квартиру к директору за помощью. Тот послал в вольеры нескольких лесников. Но что могли сделать лесники, если олени, словно потеряв разум, не обращая внимания на отгонявших их палками людей, свирепо бросались друг на друга, как в последнем смертном бое.

Им мешала ограда и хотя после первой битвы Бориса ее укрепили сильнее, чем раньше, олени за короткое время разбили забор в щепки. Теперь борьба оленей происходила на воле.

Оленуха, испугавшись, выскочила из вольера и убежала в лес.

Стук и треск рогов, хлопья пены, падающие с оленей, брызги крови из ран. Борис начал сдавать. Его противник, выросший на воле, набравший силы на свежих лесных травах и нежной листве деревьев, закаливший свои мускулы в беге по горным склонам, стал одолевать менее тренированного пленника вольера.

Мальчик нанес сильный удар Борису в бок — из рваной раны полилась кровь. Борис отступился и, молча, бросился прочь.

Победитель поднял голову и, откинув на спину могучие рога, широко разевая пасть, торжествуя, призывно, грозно заревел. И, наверное, только в эту минуту он разглядел окружавших его людей. Олень взвился, будто мгновенно раскрывшаяся пружина, и, сделав огромный скачок, исчез в кустах.

А бедный Борис бежал по усадьбе, сам не зная куда и зачем.

Было утро, люди шли на работу. Увидев их, разъяренный олень с храпом, брызжа слюной, бросился к ним, видимо,

желая рассчитаться с поповшимися ему людьми за все свои невзгоды.

Много бед мог натворить Борис в эти минуты. Но за ним уже бежали лесники, и один из них сумел быстро накинуть на рога аркан. За веревку схватилось несколько человек, оленя притянули к дереву, потом повалили, связали и, подняв на машину, отвезли на место, в вольеры. Плотники теперь уже накрепко сделали забор.

Так олень снова оказался в плену.

Самым спокойным, пожалуй, даже добродушным, в вольерах считался толстяк Бэссо. Правда, он готов был дать достойный отпор Жорке, когда тот заскочил в его загон. Но ведь Жорка был известный забияка, и люди, наблюдавшие за ним, в то время, как он, высунув язык, бегал за ними вдоль решетки, порою сравнивали его даже с чертом. Что-то общее было у Жорки с этим сказочным персонажем.

Бэссо казался неторопливым и рассудительным вожаком своего стада. Впрочем, иногда, он позволял себе и поиграть. Подросший туренок заимел уже хорошо развитые рога, и Бэссо не прочь был с ним шутливо сразиться. Туры-самцы, сходясь, поднимались на дыбы, стучались рогами, иногда слегка нападали друг на друга, но словно невзначай. Однако все это были пока лишь игры. Бэссо не проявлял ни малейшей злобы. Может быть, он просто показывал молодому туру, как должен себя держать самец в стаде, обучал его предстоящим сражениям. Ведь в гоне, который должен быть зимой, этот тур мог участвовать, а во время гона туры-самцы борются между собой всерьез, так же как и олени. Чувствовал ли Бэссо в своем подрастающем воспитаннике будущего соперника — неизвестно, но репетиции битв между ними уже начались с лета.

В остальном же Бэссо был флегматичным. Федоровна считала его даже лентяем. Недаром он настолько отяжелел, что стал круглым, как бочка.

— Эх, Бес ты, Бес! — иногда корила она его (кличку Бэссо она переделала на свой манер), — совсем ты разжирел от

безделья. Шел бы, увалень, пастись. А то лежишь, как бревно. И другие козлы с тебя пример берут.

Бэссо внимательно поглядывал на нее зелеными выпуклыми глазами и молча потряхивал серой косматой бородой.

Зря она его бранила. Уж он-то знал, когда надо пастись стаду: утром на заре, по самой росе и в вечерние часы, а то и ночью, по холодку. Днем, особенно в жару, козлы неподвижно лежали, забираясь под навес и лишь головой отмахивались от назойливых оводов и мух.

Федоровна заходила к турам без опасения; они все, как и Бэссо, к ней привыкли и не проявляли какой-либо враждебности.

Но однажды здесь произошел случай, который заставил переменить мнение о незлобivosti Бэссо.

Из областной газеты в заповедник приехал фотокорреспондент. Он захотел сфотографировать зверей в вольерах. Вместо Федоровны в тот день работала ее подменщица Маруся.

Корреспонденту показалось неинтересным снимать туров с огады, на которую он забрался, и он решил прыгнуть внутрь загона. Маруся, сопровождавшая его, запротестовала — заходить к зверям строго запрещалось, но корреспондент махнул лишь рукой:

- Не беспокойтесь. Я в лесу медведя снимал, не боялся, а здесь какой-то козел...

Он издали направил свой фотоаппарат на лежащих туров — среди них, как всегда, возвышался массивный Бэссо, и начал щелкать затвором.

Маруся замешкалась, открывая калитку. Когда она вбежала в вольер, то увидела, что Бэссо скачками приближался к репортеру, который бросив на землю свой аппарат, пытался забраться на ближайшее дерево.

Бэссо с размаху ударил по фотоаппарату — он разлетелся в куски. Разделавшись с ним, он встал на дыбы и полоснул рогами по спине корреспондента, повисшего руками на сучке. Тот в страхе закричал — тур разорвал ему рубаху и штаны и, видимо,

нанес какое-то повреждение.

Маруся с прутом в руках подбежала к разъяренному туру.

— Бес! Уходи, очумел, что ли? Но Бэссо, обернувшись, нагнул голову и ударил ее по ногам.

Женщина, вскрикнув, упала.

Бэссо подцепил ее рогами и с яростью протащил по вольеру с полсотни метров.

Проходившие мимо туристы спасли израненную женщину. Потом сняли с дерева дрожавшего корреспондента.

Маруся, потеряв много крови, более двух месяцев пролежала в больнице.

Федоровна, вернувшись из города, куда она ездила в свой выходной день, с негодованием смотрела на уже успокоившегося, мирно жующего жвачку толстого Бэссо.

— Ну и Бес проклятый! Что ж ты натворил! — укоризненно говорила Федоровна. — Совесть-то, оказывается, у тебя ни на грош...

Бэссо, как ни в чем не бывало, насмешливо тарачил на нее глаза.

В соседнем загоне, высунув лиловый язык, вдоль сетки нервно прохаживался Жорка. Он злобно рычал и, как казалось сейчас Федоровне, тоже нетерпеливо ожидал очереди расправиться с людьми за свой томительный плен.

5. ЖАР-ПТИЦА

Зима выдалась какая-то страшная. В ноябре, слишком рано для этих мест, выпал снег. Все решили, что будет суровая зима. Но морозов почти не было. В декабре кругом все завалило глубоким снегом. К вольерам приходилось пробивать снежные траншеи.

У туров шел гон. Бэссо, дрался с молодым козлом уже всерьез, но сила была еще не на его стороне, и он быстро загнал противника в дальний угол вольера, где тот долго не мог выбраться из снега.

На равнине, в степях выюжили метели, трещали морозы. Спасаясь от них, сюда, в горы, в декабре прилетели разные водоплавающие птицы. Больше всего здесь в долине оказалось уток и поганок. Они остановились на пойме реки. Поганки

со своим рыжими баками и черными рожками были очень красивы. И мальчишки из поселка пытались ловить руками этих крупных птиц, ставших беспомощными из-за падающего густого снега, под который попала их стая. Но не одни мальчишки были сейчас врагами птиц. На пойму, почуяв легкую добычу, спустились лесные коты, а из глубины гор налетели беркуты, кружившиеся теперь целыми днями над рекой.

Суровая зима, царившая на равнине, выгнала откуда-то и стаю лебедей. В начале января в заповеднике, на незамерзающем озере, у Цветочной поляны, между стволами затопленных пихт, появилось шесть плавающих белоснежных красивых птиц. Лесники чаще обычного стали бывать в этих местах, чтобы оградить от браконьеров и хищников неожиданных пришельцев.

Птицы не ошиблись, прилетев на зимовку в долину. Горячее горное солнце быстро растопило снежные сугробы, и в конце января здесь внезапно запылили сережки у орешника и ольхи, а на пригревах, обнажившихся от снега, зазеленела травка и зацвели розовые шафраны. Стайки синиц поднимали в лесу невероятный писк, радуясь необычному теплу, и когда они дружно летели между голыми ветвями деревьев, издали казалось — ветер несет по лесу вороха осенних листьев.

В эту зиму в вольерах произошло два неожиданных события.

Накануне нового года, когда с Главного хребта по долине дул беснующийся ветер — фён (он обычно нес с собой тепло и растапливал снег), к Федоровне, пробираясь сквозь снежный вихрь, от которого слепило глаза, пришла девушка, воспитательница местного детского сада.

Вечерело. Федоровна, только что покормившая зверей, занялась в своей сторожке крохотной елочкой. Она поставила ее на стол и начала украшать разноцветными тряпочками вместо игрушек. Федоровна была одинока. Жизнь ее сложилась неудачно и, может быть, поэтому, не имея никого из близких, она

столько внимания и доброты проявляла к животным, попавшим на ее попечение. Сейчас, в этот метельный вечер, когда кругом гудел фён, а недалеко в лесу время от времени с грохотом падали постаревшие гиганты-деревья, ей захотелось чем-то скрасить свое одиночество. Она вспомнила, как в детстве радовалась новогодней елке, и, отыскав в одном из загонов маленькое, полузасыпанное снегом, слегка обглоданное сернами, деревце, принесла его к себе, чтобы вместе с ним встретить Новый год.

В сторожку постучали. На пороге, отряхиваясь от снега, стояла знакомая ей девушка. В руках она держала крупную, величиной почти с индейку, серебристо-пепельного цвета птицу.

— Вот вам...— с трудом переводя дыхание, проговорила девушка, подавая ей птицу...— поймала в снегу. И скорее к вам...

Федоровна с изумлением разглядывала диковинную птицу. Такую она видела впервые в своей жизни.

— Кто же она такая?— вырвалось у нее,— как ты, Белла, ее поймала?

И девушка объяснила Федоровне, как все произошло. Она занималась в детском саду с детьми, рассказывая им сказки. Случайно, посмотрев в окно, она вдруг увидела барахтающуюся в снегу крупную птицу, которую сбивал с ног ветер. Накинув шаль, девушка выбежала во двор, чтобы помочь птице. Ей показалось, что это крупная курица или индейка. Но едва она приблизилась к ней, как птица быстро побежала по снегу, шумно взлетела и вдруг оказалась в открытом окне на чердаке дома. Девушка поднялась по лестнице и там в углу поймала забившуюся в руках птицу.

— Тетя Белла, это жар-птица? Да? Вы поймали жар-птицу? — громко закричали дети, когда она принесла ее в комнату.

— Да, ребятки, та самая жар-птица, — улыбаясь проговорила Белла,— та самая, про которую я вам только что рассказывала...

— И вот теперь, тетя Фрося, жар-птицу я принесла вам,— закончила

девушка свой рассказ,— в подарок под Новый год. Я не знаю, что это за птица и откуда она взялась... Но у вас, мне кажется, ей будет хорошо.

Федоровна усадила Беллу около своей елки, угостила чаем, а жар-птицу пустила на пол и насыпала ей зерна.

К удивлению обеих, жар-птица, не стесняясь, стала быстро клевать корм. Видно, она была очень голодна. Поев, она настороженно поглядела на свою новую хозяйку и предусмотрительно спряталась под кровать.

Наутро птицу осмотрела Аза Петровна и сказала, что это уларка, или, по-другому, горная индейка, которая живет только высоко в горах, среди скалистых вершин. Улары не залетают даже в лес, а как она попала в поселок — вообще было непонятно? Наверное, ее снес с гор бушующий ветер. На чердак же она забралась, может быть, потому, что улары часто прячутся под карнизами скал. Чердачное окно уларка, видимо, приняла за пещеру.

Аза Петровна засомневалась, станет ли она жить в неволе? Это слишком вольная птица и осторожная, пожалуй, лучше бы ее выпустить. Но куда? В горы сейчас не проберешься, а в лесу она может погибнуть с голоду.

И жар-птицу оставили. Недалеко от оленника ей отвели свободный сарай; впереди него сделали просторный выгул из железной сетки. Уларка охотно поела зерно, которое ей давали, была веселой и, кажется, не особенно тосковала по своим высокогорьям, где сейчас, зимой, бушевали холодные ветры и трудно было достать корм из-под снега.

Аза Петровна рассказала Федоровне, что зимой уларам иногда помогают находить корм туры, которые раскапывают снег копытом, чтобы отыскать для себя засохшую траву. Около туров порой держатся и стайки уларов — им тоже переппадают семена диких трав, ушедших осенью под снег.

— Ну вот, а тут ты, милушка, на всем готовом,— говорила уларке Федоровна, подсыпая ей разное зерно — пшеницу, овес, кукурузу, ячмень,—

выбирай, что твоей душе угодно. И не рыпайся в свои горы. Погибнешь там ни за грош. Лучше покажи здесь людям свою красоту.

Уларка доверчиво подпускала к себе Федоровну, однако не любила, если та брала ее в руки. Впрочем, Федоровна это делала лишь изредка, только для того, чтобы узнать, как поправляется жар-птица. Та быстро тяжелела и вскоре достигла веса трех килограммов.

Экскурсанты с любопытством осматривали редкую птицу, которую на воле трудно было увидеть — на малодоступных для человека высотах обитали эти улары.

Новым событием в вольерах было и рождение здесь медвежат.

В середине января Федоровна услышала в темном отделении медвежатника, куда залегла на спячку Женька, слабое попискивание. Это означало: на свет появились медвежата. Заходить туда было нельзя. И Федоровна, кладя через решетчатое окно корм для Женьки, пыталась разглядеть в темноте, что же делается там, «в берлоге» медведицы.

Женька лежала на сене, а у ее брюха, посасывая молоко, устроились два крохотных медвежонка. По размеру они были с рукавичку и если бы их взвесить, то каждый потянул не более пятисот граммов.

Женька заботливо обнимала их лапами и к еде не подходила. Она все еще была в полусонном состоянии. Медвежата потому и рождаются крохотными, что таких малышей медведице легче прокормить — ведь зимой корма достать неоткуда и она продолжает находиться в спячке даже, когда ее сосут детеныши.

Мишка, слыша в Женькиной «квартире» писк, возбужденно ходил по своей клетке. В прошлом году медведей не отделяли, так как не ждали рождения медвежат. Однако у Женьки зимой неожиданно появился совсем маленький детеныш — он был полуголый, лишь в редких волосках и весил не более трехсот граммов. Мишка, обнаружив его на груди у Женьки, схватил малыша зубами и безжалостно раздавил.

На этот раз печальный урок был учтен — медведей разъединили еще с осени.

Однажды зимой в капкан, поставленный лесниками на волков, попался крупный беркут. На беркута накинули шинель, освободили его ногу от капкана и, связав, принесли в вольеру.

На другой день беркуту был отстроен вокруг векового дуба высокий терем, затянутый железной сеткой. Так в поселке диких животных появился еще один житель.

Первые дни беркут ничего не ел, презрительно поглядывал на Федоровну, клавшую ему на камень большие куски сырого мяса. Но гордость гордостью, а с голодом не шутят. И беркут не выдержал — слетел с сука, на котором неподвижно сидел день и ночь, и, мгновенно растерзав, проглотил все мясо.

А через несколько дней в капкан попал молодой орел. Его поместили вместе с беркутом. Тот не обратил на него ни малейшего внимания. Но орел не был столь молчаливым, как беркут. Когда он хотел есть, то поднимал настойчивый клекот. Иногда он кричал даже, будучи сытым. Наверное, орел тосковал по воле. Он перелетал с места на место, взмахивал сильными крыльями так, что в клетке поднимался ветер. Беркут угрюмо молчал, посматривая на своего беспокойного соседа. А когда и он привык к своему положению, то временами шумно перелетал по клетке, чистил свои перья и крепкие ноги с мощными кривыми когтями, от которых на воле не уходили ни птица, ни зверь.

Между тем медвежата быстро подрастали. Наступала весна, стало тепло. Детеныши вместе с матерью начали выходить в светлое отделение, где их могли теперь видеть люди. Оказалось, что медвежата имеют разную окраску: самец, которого звали Потапом, — темно-бурую, а самочка по кличке Розка — светло-бурую, почти дымчатую. У обоих на шее виднелись небольшие белые галстучки, которые, впрочем, позже, с возрастом, исчезли.

Женька страшно волновалась за

своих детенышей. Когда они близко подходили к решетке, где на них смотрели люди, медведица лапой или плечом оттесняла медвежат в глубину клетки. А по ночам, в тишине, она начала копать в своей темной «берлоге» глубокую яму. Для этого она оторвала тяжелые листы железа, которым был обит пол, вывернула доски и стала выбрасывать наверх землю. То ли медведица решила сделать подкоп, чтобы увести из неволи медвежат, то ли просто хотела их спрятать поглубже в берлоге, чтоб до них не добрались люди.

Но медвежата людей не боялись. Наоборот, они очень быстро узнали, что экскурсанты приносят с собой лакомства, которыми можно воспользоваться. И они, поднимаясь на задние лапы, с просящим видом протягивали через решетку свои лапы, чтобы им дали конфетку или кусочек сахара. Потом научились даже канючить вслух. Не сводя глаз с людей, они стонущим жалобным голосом затыгивали: э-э-э...

Люди нередко бросали лакомства в клетку, однако, если их первой находила Женька, то не могла удержаться от соблазна и обычно старалась съесть конфету сама.

Время от времени медвежата лезли к матери, требуя от нее молока. Тогда Женька с готовностью ложилась на спину, раскидывала лапы, и детеныши с жадным урчанием, чмокая, отыскивали ее соски.

Медвежата любили лазать на дерево, стоящее внутри клетки. Сперва, когда Розка боялась туда забираться, мать ее осторожно подталкивала вверх лапой. Но теперь медвежата научились даже спрыгивать с дерева прямо на спину Женьке. Та терпеливо переносила все их проделки и постепенно привыкла к тому, что медвежата общаются с людьми, а те им приносят лакомства.

Один раз какой-то подвыпивший гуляка слишком настойчиво пытался подобраться к самой клетке. Он уверял своих спутников, что умеет дрессировать медведей, и требовал, чтобы его впустили к ним в клетку.

— Мое место там — с медведями! — кричал он. — Я покажу, на что

способен культурный человек! Вы увидите, как у меня запляшут эти звери...

Он перевесился через предохранительную сетку. Его не успели вовремя оттащить от решетки — Женька одним взмахом лапы разорвала плечо подвыпившего хвастуна.

Федоровна взяла себе за правило время от времени пересчитывать туров и серн, находящихся в загонах. Мало ли что могло случиться? Вокруг вольеров стоял густой лес и на животных могли напасть хищники. И вот, весной, когда зазеленели листья на деревьях, Федоровна утром неожиданно обнаружила пропажу трех турих. Ограда всюду была прочная, но турихи исчезли. Федоровна бросилась к Азе Петровне сообщить о пропаже. Научная сотрудница пришла, посчитала туров и удивленно посмотрела на Федоровну — все турихи были на месте. Федоровна недоумевала: она клялась, что обошла все турьи загонки и турих перед этим не было.

На другое утро повторилось то же самое. Турихи снова исчезли. Теперь Федоровна решила выждать. Она села около загона и стала высматривать, откуда появятся беглянки.

Как только подошло время утренней кормежки, из леса показались турихи. Они вспрыгнули на развилку дерева, стоявшего за оградой, забрались еще выше, на толстый сучок, оттуда перепрыгнули на другое дерево, находившееся уже внутри загона, и так же успешно спустились по сучкам на землю.

Федоровна ахнула: так вот каким способом удирают они из вольер!

— Ну и гуленые девки! — забранилась она, — покажу я вам, как шляться по ночам.

Турихи исчезли перед сумерками, после вечерней кормежки. Ночью они напаслись в лесу и утром появились в загоне с полными от корма боками. Федоровне стало жаль их — пусть себе пасутся, теперь она уже не сомневалась, что турихи придут, у них эти прогулки вошли в привычку. И Федоровна решила ничего не говорить Азе Петровне, — та, пожалуй, еще запретит им эту гулянку.

Как добрая мать, Федоровна сделала вид, что ничего не знает о шалостях своих питомцев.

Однако она просчиталась. Пришло время рождения турят, и Машка, самая любимая ее туриха, однажды не вернулась. Пришлось у деревьев обрубать сучки, чтобы прекратить уход других турих из загона. А через несколько дней лесник, проходя по лесу выше вольер, увидел среди скалистого мыса, возвышавшегося над деревьями, Машку, которая кормила молоком новорожденного туренка. Детеныш совался мордочкой в вымя матери, а та любовно облизывала его шерстку.

Так и вырос туренок в лесу. К осени Машка и туренок исчезли: может быть, их задрали хищники, а может быть, туриха с малышом поднялась в горы, где жили их сородичи.

Остальные турихи в вольерах тоже принесли детенышей. Но одного из них, на другой же день после рождения, унес беркут. Огромная птица, парившая на большой высоте над вольерами, внезапно как бы упала с неба.

Услышав над головой шум крыльев, Бэссо тревожно засвистел. Но было поздно. Туриха поднялась на дыбки, желая защитить детеныша, однако беркут, схватив когтями туренка, уже взмыл кверху...

Федоровна увидела это издали и, конечно, ничем не могла помочь. Вечером, давая мясо беркуту и орлу, сидящим в вольере, она выговорила всю свою обиду.

— Изничтожить надо ваше орлиное отродье за ваши пакости,— сердито ворчала женщина,— младенчика украли, хичники проклятые!

Но орел, завидя корм, обрадованно заклекотал, а беркут, как обычно, хмуро и безучастно глядел на Федоровну. Наверное, со своей стороны, он обвинял людей, которые засадили его сюда на вечный плен.

Под орлиной клеткой построили небольшой домик для лисенка, недавно пойманного в лесу. Он был ярко-рыжей окраски, и Федоровна так его и назвала —

Рыжик. Лисенок оказался доверчивым, людей почти не боялся, охотно лакал из чашки молоко и очень любил куриные ножки, которые где-то доставала Федоровна.

В эти дни в лесу зацвели дикие яблони и груши, всюду стоял терпкий аромат их лепестков. Цвели они в загонах, отчего вольеры приняли особый праздничный вид. Природа с каждым днем открывала свои новые тайны: зацветали по склонам в сосняках ландыши, из Оленьей балки ветер приносил запах черемухи, горные потоки все более набухали пенистой водой — бурно таяли снега и ледники.

Но в зверином поселке в это время случилась беда. Украли уларку. Не стало редкостной жар-птицы, которой так любовались экскурсанты. Ночью какие-то злоумышленники оторвали железную сетку от сарая и похитили уларку. А на другой день лесник обнаружил в лесу за вольерами свежие остатки костра, две пустые водочные бутылки, обглоданные птичьи кости и пепельно-сизые перья...

6. НАШЕСТВИЕ

Осенью в Тебердинской долине — тихие, солнечные, прозрачные дни. В пестро расцвеченных лесах — задумчивая тишина. Плавно падают на землю золотистые листья. На серебристых паутинках, словно на коврах-самолетах, несутся куда-то крохотные паучки.

Крутые склоны гор раскрашены оранжевыми мазками лиственных лесов, вкрапленных среди темно-зеленых сосняков. Яркие брызги листвы иногда сверкают под самым гребнем хребта — он уже белеет свежеснеженным снегом. Изпод вершин всюду стекают желтеющие дорожки — ложбины, выточенные лавинами. Это по ним зимой с грохотом обрушиваются в долину снежные обвалы. Но сейчас, заросшие березовым криволесьем, пути лавин манят своей мирной красотой.

В реке воды стало меньше. Теберда, разбегавшаяся летом многими рукавами, шумно выгрызавшая лесистые берега, теперь притихла, собралась в одну

сверкающую, прозрачную до дна, дорожку.

Поседел Чертов замок — три скалистых, тесно обнявшихся брата, высящихся над долиной. Все чаще они окутываются серыми облаками.

Но в долине по-прежнему тепло. Еще цветут здесь бледно-голубые безвременники. Только ночи стали холодными. На рассвете подолгу режут в лесах олени, и Борис, заточенный в загон, тоскливо и страстно трубит им в ответ. Возмущенный неволей, которую он, наверное, чувствует сейчас особенно сильно, олень, завидя подходящих экскурсантов, стремительно бросается к решетке и яростно бьет об нее тяжелыми ветвистыми рогами.

Они у него великолепны, с каждой стороны по восемь отростков. Рога оленя сейчас крепки и остры, и Борис, гордо поднимая отягощенную ими голову, неумным ревом вызывает на битву соперников. Эх, если бы ему дать волю! С силой и ловкостью ринулся бы он в лес, легко пронося сквозь чащу огромную корону своих рогов. А позже они ему станут не нужны. В музее природы заповедника можно увидеть коллекцию рогов Бориса от первых лет до последнего года его жизни; ими занята целая стена.

Но олень осенью буйствует всегда. Всю ночь тревожит протяжный рев Бориса жителей усадьбы. Его поведение не в диковинку. А вот что приключилось здесь с Жоркой — понять никто не может ни научные сотрудники, ни приглашенный сюда молодой ветеринар. На голове у серны, позади острых рогов, где раньше замечались раковинообразные железистые впадины, почему-то образовались два кожистых вздутия. Они постепенно увеличивались, словно набухающие губки, и стали издавать неприятный запах.

Жорку поймали, связали, осмотрели. Пощупав наросты, ветеринар предположил нагноение. Решили Жорку оперировать. После вскрытия, однако, ничего, кроме железистой ткани, не обнаружили. Из разрезанных наростов обильно шла кровь. Голову Жорке забинтовали. Двое суток он не

притрагивался к корму. С подавленным видом Жорка уходил в дальние углы загона, дичась людей.

А тут Аза Петровна вдруг где-то вычитала, что набухание желез у серн это вполне естественное явление, происходящее перед гоним. В железах у самцов открываются протоки и запах их привлекает самок. Железы позади рогов — один из характерных признаков представителей подсемейства антилоп.

— Позор, позор!.. — повторяла сотрудница. — Бедный Жорка. Пострадал из-за нашего невежества.

Федоровна, узнав, что мучения Жорки напрасны, пригрозила ветеринару отрезать уши, если только он здесь еще появится.

Впрочем, у Жорки через несколько дней раны зажили, и он, высовывая свой лиловый язык, по-прежнему нервно прохаживался вдоль сетки, временами хрипло рычал, косил глазом на экскурсантов, по-прежнему выжидая момента броситься на людей, чтобы хоть через железную решетку свести с ними счеты.

В эти осенние дни на усадьбе начались опустошительные набеги диких свиней. Привлеченные поспевающими плодами диких яблонь и груш, они ночью проникали через ограду, взламывали ее клыками и устраивали неподалеку от вольер шумные кормежки. Попутно они заходили и на огороды сотрудников и на картофельное поле заповедника.

Убивать кабанов, как и других животных, в заповеднике было нельзя. Выстрелы сторожей в воздух не пугали грабителей, они с хрюканьем отбегали на несколько шагов, а затем снова продолжали кормежку. Возле огородов по ночам жгли костры, пробовали даже ставить здесь автомашину, чтобы отпугивать кабанов гудками и светом фар. Но дикие свиньи бродили с участка на участок и угнаться за ними не успевали. Распространились слухи, что кабаны-секачи нападали на проходящих вечером людей.

А тут еще на усадьбу из леса подошли, вызванные криками Бориса,

олени-рогачи и стали угрожающе реветь под самыми окнами сотрульников.

Вечерами люди старались не выходить из квартир. Усадьба была словно в осаде.

Кабаны, осмелев, приблизились к загону, где содержались их сородичи, разорвали сетку и высвободили из плена Катьку. Ежик выйти не успел, так как Федоровна, услышав шумное кабанье хрюканье, выбежала из дома с фонарем и вилами и отогнала пришельцев. Однако Катька исчезла вместе с дикими свиньями.

Федоровна загоревала: Катька была совсем ручная, и женщина ее очень любила.

Чтобы спастись от нашествия кабанов, вокруг усадьбы стали строить новый забор. Наконец, его закончили, но, странное дело,— подкопы кабанов, хотя теперь и небольшие, продолжались. Свиньи где-то еще проникали через ограду.

Выяснила все Федоровна. На рассвете у нее под окном в огороде усердно копалась пара кабанов.

Проснувшись от шумного хрюканья, она выскочила из дома с лопатой в руках, но кабаны, громко рывкнули, и один из них, крупный секач, с длинными острыми клыками, фыркая и сопя, смело бросился к ней. Женщина едва успела забежать в дом.

— Будьте вы прокляты! — закричала испуганная Федоровна.— Ой, лишенько, пропал мой огород! Да, куда же это я попала, - свиньи из дома не выпускают!

Распахнув окно, она начала в сердцах швырять в кабанов все, что попадалось под руку — ведра, сапоги, всякую домашнюю утварь.

Неожиданно другая свинья, бросив копать, подбежала к окну и, подняв рыло, просяще захрюкала.

— Катька! Это ты, моя красавица?! — обрадовалась Федоровна, разглядев в ней свою питомицу.

А Катька, встав ногами на подоконник, уже радостно совалась грязным пяточком в ее руки.

Федоровна завела свинью в сарай, а

кабана все-таки прогнала. Оказалось, что кабан с Катькой отлеживался где-то в кустах на усадьбе. Так они случайно и остались внутри ограды. Пришлось открыть один пролет забора и отогнать секача в лес. Но сделать это было нелегко. Кабан упорно не хотел покинуть полюбившееся ему место. Удалось его выгнать только с помощью собак.

Катька вернулась в свой загон, где ее с большой радостью встретил Ежик.

— Погуляла и хватит! — корила ее Федоровна.— От Ежика убежала, бессовестная! Ну-ну, ладно вам...— подсыпая корм дружно хрюкающим свиньям, ворчала женщина.

Ей было приятно, что Катька доверчиво отнеслась к ней, не прельстившись даже волей, куда хотели ее увести кабаны.

В начале зимы, когда оголенный лес и скалы запорошило снегом, приехавшие ученые занялись опытами по искусственному осеменению домашних коз и овец. Бэссо и Жорке предстояло стать родоначальниками новых не виданных еще животных. Но пока было неясно: могут ли вообще быть скрещены эти разные виды? Гибридизация должна была придать козам и овцам более крупные размеры, повышенную жирномолочность, неприхотливость к корму, выносливость, свойственную диким горным животным. Однако ученые сомневались — осуществимо ли это? Результаты оплодотворения животных помогли бы разобраться и в том, к кому ближе стоит серна — к антилопам или козам? Кавказская серна в зоологическом ряду до сих пор занимает не очень определенное место.

Скрещивание серны с козами пользы не принесло, так же как и скрещивание тура с овцами. Ученые убеждались, что серна по происхождению очень далека от коз. Жорка доказал, что он из подсемейства антилоп и с какими-то козами знаться не желает. А вот Бэссо должен был стать отцом турокоз, первых гибридов, которых еще ученые не видели.

Вскоре выяснилось, что домашние козы готовились принести на свет этих

удивительных животных, может быть, с новыми, нужными для человека свойствами.

Теперь Аза Петровна смотрела на толстяка Бэссо другими глазами: ведь он должен был дать начало новым, неизвестным, формам животных. И только для Федоровны он по-прежнему оставался все тем же ленивым и порой коварным «Бесом», который нетерпеливо потряхивал бородой в ожидании кормежки.

Ученые уехали. А Жорка преподнес неприятный сюрприз. Его пустили в стадо подросших серн, и он быстро расправился со своим соперником — заporол насмерть молодого самца. Теперь, сделавшись полновластным хозяином стада, Жорка близко не подпускал к сернам даже Федоровну: сердито рычал, зло сверкал глазами и становился в воинственную позу, готовясь к прыжку. Свое стадо он увел в дальний угол загона, где серн не могли увидеть экскурсанты.

Весной у туров появились гибриды. Маленькие тукокозы были похожи на обычных домашних козлят. Они быстро росли и вскоре стало ясно, что тукокозы окажутся значительно крупнее своих родителей. Однако эти животные были очень дикими. При малейшем испуге они пытались выпрыгнуть из загона, совершая огромные скачки. Приезжали ученые, вели над ними наблюдения, говорили, что у тукокоз все данные стать животными с новыми полезными свойствами.

Федоровне начало казаться, что Бэссо вдруг заважничал: он посматривал на нее своими выпуклыми глазами с каким-то превосходством, а иногда вдруг угрожающе опускал рога и чего-то ждал. Может быть, похвалы?

— Я вот задам тебе!— грозила она ему.— Не воображай, пожалуйста, Бес! Наплодил козлов — невидаль какая!

Гибриды подросли, и в конце лета один из них, самый крупный белый козел, сумел-таки выпрыгнуть через ограду. А вслед за ним убежало три взрослых турихи. В полудомашнем козле заговорила, видно, кровь вольных предков. Он увел из вольеры чуть ли не половину

стада. Раньше туры не пытались убежать таким путем. Теперь же они, вскакивая на поперечные рейки высокого забора, чудом зацеплялись там копытами и, словно птицы, перелетали через ограду.

Бэссо недоуменно пучил на них глаза. Он давно отяжелел, и ему, конечно, не под силу было совершать подобные прыжки.

— Простофиля ты, Бес!— сердито заявила ему Федоровна, обнаружив побег.— Я думала, ты здесь хозяин. А ты...— и она, плюнув, расстроено махнула рукой.

В середине лета медведицу Женьку на время перевели к Мишке. А полуторогодовалого Потапа вскоре отправили в альпинистский лагерь, где его ждала тоже клетка. Розка осталась одна.

Она страшно затосковала, перестала есть. Розка то мыкалась по вольере, то вдруг садилась на задние лапы в уголок, и крупные слезы скатывались из ее глаз...

Но вот Женька вернулась от Мишки. При виде Розки, ее охватило злобное чувство ревности. Рядом за решеткой жил ее муж Мишка, здесь недалеко оказалась молодая медведица, которую Женька совсем не хотела теперь видеть. Наверное, потому, что вдруг почувствовала в ней свою соперницу. Казалось, она не узнает Розку. Женька с бешеной яростью бросилась на свою дочку и стала ее кусать. Бедная Розка забралась на дерево, стоящее в вольере, но Женька достала ее и там. Только загнав Розку в темную конуру, медведица немного успокоилась. Однако едва Розка высовывала оттуда свой нос, как Женька со злобным рычанием загоняла ее обратно. Так и пришлось забрать Розку — жизни ей теперь здесь не было.

А Мишка, огромный, величественный, невозмутимо расхаживал по своей клетке, иногда забирался в ванну с водой, где он любил купаться, или разваливался на полу, искоса посматривая на экскурсантов в ожидании лакомой подачи.

Но когда Мишка поднимался на задние лапы, зрители умолкали в немом изумлении: это был и в самом деле великан, выдающийся представитель

медвежьего племени.

Мишка шатался по своей клетке постоянно и лето, и зиму. Женька в начале зимы залегла в «берлогу». И уже в январе из темной конуры снова послышался писк новорожденных медвежат. Мишка с любопытством прислушивался и, втягивая носом воздух, просовывал свою морду через решетку в Женькину клетку. Но вход туда ему был строго запрещен.

Зима пришла снежная, с метелями. Ночи теперь оглашались протяжным воем Серого, сидящего в клетке. Глубокая тоска по воле слышалась в этих печальных звуках. Собаки в поселке, услышав их, отвечали дружным многоголосым завыванием.

А однажды ночью откуда-то из глубины Оленьей балки на зов пленника откликнулся хор волчьих голосов. Жутко было слышать эту волчью переключку в горах...

Полная луна, зацепившись за шпиль Чертова замка, ярко освещала заповедные леса, где на снегу мелькали таинственные тени зверей.

7. НОВАЯ ХОЗЯЙКА

Шли годы. Много всяких событий происходило в зверином поселке, обо всех их не расскажешь. Одряхлели звери, которые первыми поселились в вольерах. Уже не стало Бориса и Жорки. Прожив почти семнадцать лет в вольерах, от старости умер Бэссо. Однажды поутру навсегда уснувшего патриарха стада в почтительном молчании окружили взволнованные туры. Погибла от внезапной болезни и Катька. Новые животные появились им на смену. Федоровна оставила своих питомцев, ушла на пенсию.

Вместо нее теперь хозяйкой в вольерах стала маленькая, сухонькая, очень подвижная пожилая женщина — Таисия Викторовна.

К животным она была добра не менее, чем Федоровна.

Звери в плену нуждались в человеческой ласке и постоянной заботе. Они привыкали к людям, кормившим их, позволяли делать с собой то, что совсем не

посмел бы посторонний здесь человек. Волк брал пищу из рук Викторовны, нагибал голову и просил, чтобы его потрепали за ухом или погладили по спине. Ежик, став огромным секачом с острыми кривыми клыками, завидя Викторовну, бежал к ней со всех ног, радостно хрюкал, показывая свой восторг и ложился на бок, чтобы его почесали. Едва она прикасалась к нему рукой, как он блаженно замирал.

Голос кормилицы знали все звери, и стоило ей позвать любого из них, как они немедленно бежали на зов хозяйки. Но чужих людей звери не любили и приближаться к ним было опасно всякому, а Викторовна, словно узнала от них какую-то лесную тайну, понимала животных по выражению глаз, по односложным крикам, неясным звукам, малейшим движениям, в которых порой выражались и просьба, и печаль, и радость.

Звери не умели говорить, но Викторовна, как и Федоровна, находила с ними какой-то общий «молчаливый» язык. Она заходила в клетки и вольеры и что-то приговаривая, иногда ворча, иногда похваливая или соболезнуя, прибирала там, тщательно чистила, мыла, приносила им всякие «гостинцы» — яблоко или кусочек колбасы, конфету или другое какое-то лакомство. Когда у нее наступал выходной день и приходил подменщик, Викторовна не могла удержаться, чтобы не заглянуть к животным и то добавляла кому-то корм, то вдруг начинала скрести и мыть пол в той клетке, где ей казалось было недостаточно чисто. А в отпуск она вообще не решалась уходить — звери, по ее мнению, за это время могли похудеть или даже заболеть. С материнской лаской она выпаивала молоком из бутылочки крошечных полосатых поросят, недавно опять отловленных в лесу, заботливо вычесывала гребешком шерсть у линяющего лисовина Рыжика, бинтовала лапы молодого орла, которому в капкане повредили ноги, и терпеливо клала ему в раскрытый клюв куски мяса. Она варила животным каши, нарезала овощи, рвала им траву. Да и мало ли что делала

для благополучия пленных животных эта маленькая женщина! Кормить и убирать их полагалось два раза в день, утром и вечером. Но она обходила зверей по нескольку раз в день, проверяя не набросал ли кто им палок или камней (нередко бывало и такое), не грязно ли у них, не случилось ли что с ее питомцами?

Новые виды зверей поступали в вольеры. Где-то на лесной поляне молодая рысь подкралась к овцам, чабан вступил с ней в борьбу и телогрейкой сумел придавить ее к земле. Рысь связали, передали в заповедник — здесь ей построили особую вольеру — терем, но только с решеткой.

Издалека привезли сюда зубров — зверей, которые когда-то водились в этих горах, но были уничтожены человеком. «Домбайульген» — называется одна из заповедных долин, что означает «убитый зубр». Теперь полтора десятка зубров выпустили в долину Кизгыча, а двух из них — Мулата и Муську, чистокровных зубра и зубрицу, поместили в вольер для показа экскурсантам.

На место Бориса появился в вольерах молодой олень, история жизни которого заслуживает того, чтобы о ней рассказали.

Лесник предгорного лесничества нашел в лесу ослабевшего новорожденного олененка. Что-то, видимо, случилось с оленухой — не пришла она вовремя к своему детенышу. Жена лесника выпоила олененка коровьим молоком. Через год вырос из него олень-красавец с небольшими острыми рожками. Так и назвали его — «Красавчик». Олень всюду ходил за своей хозяйкой — и в сельский магазин, и в лес, куда она направлялась отгонять на пастбище корову или иногда шла собирать ягоды и грибы. Привязалась к нему и женщина. Олененок ласково совал мордочку ей в руки, лизал их и терся о нее плечом.

Однажды жена лесника заболела. Муж отправил ее в больницу. Красавчик затосковал, стал плохо есть, целые дни простаивал у дверей кордона, ожидая появления хозяйки.

Леснику надоело с ним возиться, и

он решил сдать Красавчика на мясо. Он погрузил оленя на машину и отвез на мясокомбинат, где и выручил за него крупную сумму денег. Однако о появлении оленя на мясокомбинате узнали из общества охраны природы. Государственный охотничий инспектор отобрал олененка и передал его заповеднику.

Первые дни олененок жил на усадьбе свободно. Но он стал уходить с экскурсантами в поселок и, чтобы Красавчика не уводили, пришлось закрыть его в вольере. В том самом загоне, где раньше жил Борис.

С годами Красавчик возмужал, у него выросли крупные, хорошо разветвленные рога. В неволе характер оленя стал меняться. Красавчик сделался раздражительным, сердитым. Может быть, потому что некоторые экскурсанты хватили его через решетку за рога, злобно совали в него палки. Стоило теперь подойти к ограде мужчине, как олень старался ударить его рогами или копытом передней ноги. Но если подходила какая-нибудь женщина, то Красавчик начинал лизать ей руки — видимо, он вспоминал свою хозяйку, которая его выкормила и ласкала.

В соседнем загоне содержалась молодая оленуха по кличке Горянка. Однако к оленю ее не пускали, так как она еще не подросла. Красавчик и Горянка нередко обнюхивались через ограду.

— Для тебя выращиваю невесту, для тебя,— говорила иногда Викторовна Красавчику.— Ох, и раскрасавица у нас растет! Вот уж пара из вас будет — одно загляденье. Подожди, голубчик, скоро ты ее получишь!

И время это настало. В августе, незадолго до гона, Горянку пустили в вольер к Красавчику. Викторовна думала, что олень будет ей рад. Но вышло все по-иному.

Завидев в своем загоне молодую оленуху, Красавчик пустился наутек. Он был взволнован до крайности. Олень, тяжело дыша, бегал вдоль ограды, пытался выпрыгнуть из вольера. Стоило Горянке чуть приблизиться к нему, как он удирал в другой конец загона в паническом

страхе.

Ни научная сотрудница, ни Викторевна ничего не могли понять — почему он ее так испугался?

Оленей на ночь оставили в одном загоне. А утром Викторевна увидела жуткое зрелище. У Горянки половина морды, от рта до глаза, была снесена до кости. С морды свисали окровавленные куски мяса.

Что же здесь произошло? Оказывается, ночью Красавчик загнал Горянку в угол и стал бить ее рогами. До гона олени-рогачи обычно держатся отдельно от стада и, видимо, это извечное правило, вошедшее в кровь оленя от прошлых поколений, делало для него невозможным совместное пребывание с самкой раньше положенного времени.

Викторевна поспешно перегнала Горянку в ее загон и, обняв оленуху, заплакала. И тут она заметила: из глаз Горянки тоже катились крупные слезы...

Повреждения были слишком значительные — Горянку пришлось пристрелить.

Вообще характер у Красавчика был своеобразным. Как-то одну из половин сарая, где он часто лежал, спасаясь летом в темноте от мух, заняли под веточный корм — там развесили сухие веники для зимы, а помещение закрыли. Для отдыха оленя оставалась другая свободная часть сарая. Но он привык лежать как раз в первой половине. Рога его до конца еще не окостенели и были покрыты кожицей. Олень подошел к двери и стал упорно бить в нее рогами. Окровавленные лоскуты кожи свисали бахромой с его рогов, а два роговых отростка были им уже сломаны. Но он продолжал ударять в дверь, пока, наконец, не разбил ее. Пришлось быстро удалить веники и пустить оленя на его излюбленное место.

Происшествий в вольерах всегда полно. Викторевна к этому привыкла. Обнаружив какой-нибудь непорядок, она обычно медленно, с расстановкой произносит свою любимую поговорку:

— Вот такое дело...

И торопливо бежит улаживать «дело». Но не всегда это удается. Иногда,

как с Горянкой, бывает уже поздно. Так случилось и с лисенком, который жил рядом с лисенком Рыжикум. Лисенок как-то пробрался к Рыжику, а тот его «заиграл» до смерти. Остался от лисенка только жалкий рыжий комочек...

Однажды серне надумалось перепрыгнуть в загон к кабану Ежику. Тот разозлился на непрошеную гостью. Сцепились они в клубок — каждый из них нанес друг другу серьезные раны. Чуть живая серна с трудом ушла от кабана. Там в своем загоне подошла старая серна и стала заботливо зализывать ее раны.

— Вот такое дело...— расстроено говорит Викторевна,— и чего им мирно не живется? Всех кормлю, всех жалею. А они...

Как же их ей не жалеть? Привезли как-то из леса зубра с обоими сломанными ногами. Наложили ему на ноги лубки, а выхаживать больного поручили опять же ей. Кто проявит к зверю больше сострадания и заботы, чем она, хозяйка вольер? Ну, и выходила. Только не один месяц прошел. Хоть и хромым зубр, и нога у него кривая, а здоровый, веселый.

Зубрам в вольере постоянно привозят свежие стволы и ветви осин, и они обгладывают на них кору. Иногда попадают им и крупные бревна. Начнут зубры играть, подкидывать их рогами, словно это не бревна, а спички. И хромым зубр любит поиграть. А Викторевна стоит и любит ими. От улыбки расходятся на ее лице морщинки...

Незадолго перед наступлением весны, когда снег в лесу цепенеет настом, к волчьему вою по ночам присоединяются пронзительные, похожие на резкое покашливание, крики рыси, сидящей в своем тереме.

Викторевна выходит из сторожки — она живет рядом, вблизи вольер,— и впотьмах неслышно появляется у клеток. Она молча стоит, с грустью слушая тоскливые жалобы зверей, а потом тихо:

— Ну что, дорогие мои... Кому какая доля! Кому в лесу, кому в неволе... Чего уж тут плакаться?

И пойдет, опустив голову, в свою сторожку, а самой жалко их до слез,

потому что знает — выхода из этого плена у зверей нет и не будет.

А впрочем выход на волю иногда бывает. И не только потому, что звери порой убегают, как, например, туры. Изредка отпускают их отсюда сами люди. Вырастают в клетке медвежата, им уже по полтора года, куда их девать? Перегоняют медвежат в ящики, грузят на автомашину и везут куда-нибудь в самое дальнее заповедное ущелье, откуда им трудно будет найти обратную дорогу.

Откроют ящики, выгонят из них медвежат, а те долго не хотят уходить от людей. Недалеко от машины стоят они на задних лапах и ошалело разглядывают внезапно открывшееся перед ними необозримо широкое пространство.

Машина загудит и тронется в свой путь. Медвежата, догадываясь, что люди их покидают, испуганно бросаются вслед машине. Но потом, словно опомнившись, останавливаются и, осторожно пробуя каждый шаг, углубляются в чащу леса.

Они жадно хватают зеленые листочки, с аппетитом засовывая их себе в пасть, удивленно прислушиваются к звонким птичьим песням, которых они еще не слышали и, поднявшись во весь рост, с изумлением втягивают в себя неведомые запахи леса.

Наверное, только в эти минуты они начинают понимать, что получили, наконец, главное в этом мире — свободную жизнь...

